

Русские позитивисты за медиумическим столом, или об относительности понятия «псевдонаука»

Ю.Л. ХАЛТУРИН

Полемика о медиумизме, развернувшаяся в 70-х гг. 19 века между А. Аксаковым, А. Бутлеровым и Н. Вагнером, с одной стороны, и Д. Менделеевым – с другой, рассматривается в статье как один из первых случаев полемики «ученых» и «псевдоученых». Она демонстрирует относительность и размытость демаркационной линии между «наукой» и «псевдонаукой». Показав невозможность провести четкую границу между двумя этими типами знания на основе эпистемологических или социологических критериев, автор предлагает исторический критерий, который определяет «псевдонауку» как допарадигмальную стадию развития новых форм научного знания, противоположную устоявшейся парадигме «нормальной науки».

Ключевые слова: наука, псевдонаука, демаркация, медиумизм, спиритизм, спиритуализм, парадигма, позитивизм, факт.

В четвертом бюллетене «В защиту науки», издаваемом Комиссией по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН, председатель одной Э.П. Кругляков, отвечая на вопрос журналиста о том, каким образом возможно отличить науку от «лженауки», говорит: «Ученый, проработавший в науке 20, 30, 40 лет, просто на интуитивном уровне отличает науку от лженауки»¹.

¹ Кругляков Э.П. От перемены мест слагаемых сумма не меняется // В защиту науки. М., 2006. С. 65–82.

В данной статье я хотел бы рассмотреть случай из истории русской науки, который подвергает сомнению данный тезис. Речь пойдет о полемике вокруг медиумизма и спиритизма, в которой с обеих сторон выступили ученые, проработавшие в науке не один десяток лет, основавшие серьезные научные школы, однако при этом занимавшие прямо противоположные позиции в вопросе о том, что считать наукой, а что лженаукой. При этом я попытаюсь рассмотреть проблему демаркации научного и псевдонаучного знания не с формально-методологических позиций, а скорее в историческом аспекте, продемонстрировав относительность границы между этими противоположными видами знания.

Прежде всего, следует сказать несколько слов о понятиях спиритизма и медиумизма, а также о той роли, которую эти явления сыграли в истории науки. На мой взгляд, вполне справедливо можно утверждать, что медиумизм является, в сущности, первым псевдонаучным движением. В самом деле, при каких условиях может возникнуть псевдонаука? На мой взгляд, таких условия как минимум три: 1) институционализация науки, привязка науки к системе университетов, академий, научных обществ, выпускаемых ими журналов и т.д.; 2) наличие идеологии, утверждающей, что наука является высшей, наиболее прогрессивной и единственно истинной формой знания; 3) наличие строгого и узкого определения науки, отличающего ее от любых других форм теоретического познания. До тех пор пока эти условия не выполняются, любая форма знания может претендовать на то, чтобы считаться научной, и, более того, более истинной, чем наука. Однако с того момента, как все три условия сформированы, все ненаучные формы знания, претендующие на какое-либо универсальное значение, вынуждены ориентироваться на научный метод, язык, научные способы организации знания, научный стиль мышления. Только при наличии всех этих условий может возникнуть псевдонаука как попытка ненаучных форм знания симитировать, симулировать научные.

Если подойти к приведенным выше условиям возникновения псевдонауки исторически, то, вероятнее всего, мы обнаружим, что в Европе они сформировались где-то к 50-м годам 19 века с распространением философии позитивизма как доминирующего представления о науке, удовлетворяющего двум последним условиям, и с окончательной институционализацией науки. И именно в это время возникает спиритизм как альтернативное позитивизму, но во многом с ним схожее интеллектуальное движение. И именно спиритизм начинает имитировать формы и методы работы «положительной науки», становясь, тем самым, псевдонаукой. Попробую показать это, дав краткий очерк истории спиритизма.

Определить понятия медиумизма, спиритизма и спиритуализма однозначно не так легко. Я попробую дать эти определения, опираясь на исследование истории спиритизма А. Конан-Дойля², бывшего и активным последователем этого движения, а также на исследование

² См.: Конан-Дойль А. История Спиритизма. М., 1999.

А. Панченко о русском спиритизме³. Медиумизмом можно назвать практику общения с духами через особого посредника – медиума. В этом смысле медиумизм – чрезвычайно древнее и архаичное явление. Спиритуализм – это организованное религиозное и интеллектуальное движение, имеющее свою идеологию, лидеров, организационные формы и т.д. В этом смысле спиритуализм – это явление новой истории, отправной точкой его возникновения можно считать 1848 г., когда в Америке, в Гайдсвилле, некие сестры Фокс в состоянии транса вошли в контакт с духами. Информация об этом была широко распространена, и вокруг этих медиумов, а также появившихся других медиумов, стало складываться новое религиозное движение, к 1897 г. приобретшее более 8 миллионов последователей. Предтечами спиритизма можно считать шведского философа Э. Сведенборга (1688–1772), автора теории «животного магнетизма», Ф.А. Месмера (1733–1815) и американского духовидца Э.Д. Дэвиса (1826–1910). Итак, первоначально спиритизм представлял собой именно религиозное движение или некоторую форму драматизации и ритуализации нескольких фольклорных мотивов, широко распространенных в устной традиции Западной Европы и США, таких как «Полтергейст»), «Дом с привидениями», «Беспокойная могила». Однако, в последующем спиритизм раскололся на два основных направления. Первое направление стало развивать религиозную сторону спиритизма, создавая вокруг медиумических практик целую систему теософских спекуляций. Эта тенденция получила особенное развитие в США и во Франции, где некто Аллан Кардек, занимающийся исследованием медиумических способностей человека, выпустил несколько книг: «Книга Духов» (1856), «Книга медиумов» (1861), «Евангелие в трактовке духов» (1864). В этих работах он развил теорию соотношения души и тела, описал иерархию духов, механизм реинкарнации и т.д. Данное направление спиритуализма и получило название «спиритизм».

Параллельно с этим направлением складывалось и другое, представители которого чаще называли себя медиумистами. Суть этого направления сводилась к научному исследованию медиумических фактов. Одним из первых научное исследование медиумических явлений предпринял сэр Вильям Крукс (1832–1919) – выдающийся химик и физик, член британского Королевского общества, обладатель множества научных наград и почетных орденов, в разные годы занимавший президентские посты в Королевском обществе, Химическом обществе, Институте инженеров-электриков, Британском объединении «За прогресс науки» и в Обществе психических исследований, редактор нескольких научных журналов, которому принадлежит открытие нового химического элемента, названного им «таллий», изобретение радиометра, спинтарископа и «трубки Крукса». Начав свои исследования медиумизма в 1870 г, через четыре года он опубликовал отчет, который вызвал скандал и чуть было не повлек за собой его исключение из Королевского общества.

³ См.: Панченко А. Спиритизм и русская литература: из истории социальной терапии // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 2005. С. 529–540.

В 1869 году был образован специальный комитет научного британского Диалектического общества, который свой первый отчет о проделанной работе предоставил широкой общественности в 1871 году. Исследованиями спиритизма занималось и Общество психических исследований, возникшее в 1882 г., а также Британское общество «За прогресс науки». В разное время медиумические феномены исследовались такими учеными, как Р. Гэр (американский химик), английский математик Де-Морган, английский физик Уорлей, натуралист Уоллес, профессор физики Дублинского университета Баррет, французский астроном Фламарион, германские ученые (физик Фехнер, математик Шейнберг, зоолог Перти). Все эти ученые были представителями официальной науки – профессорами, академиками, докторами наук, открывшими новые направления исследований в своих областях знания. Однако, после своих исследований о спиритизме все они пришли к выводу о реальном существовании медиумических явлений и о возможности существования духов и самостоятельной духовной силы, вызывающей эти явления. По сути, именно с этого момента и можно говорить о возникновении псевдонауки. Мы видим, как первоначально религиозное движение приобретает научные формы, прибегает к научным методам работы – наблюдению, эксперименту, исследуется отдельными учеными и официальными научными сообществами и организациями. Более того, эти исследования претендуют на то, чтобы совершить переворот в самой науке, в некотором смысле заместить ее. В самом деле, астрология, например, не отменяет и не замещает астрономию, вообще не пересекается с данной научной дисциплиной, поэтому астрологию следует назвать скорее паранаукой или протонаукой (в зависимости от периода ее развития). Однако медиумизм претендует на то, что он дает совершенно новую картину физической и психической реальности, которая предполагает возможность существования нематериальной, самостоятельной и независимой духовной силы.

Из тех документов, которые нам доступны, лучше всего эта ситуация отразилась в работах русских ученых – сторонников и противников медиумизма. И здесь мы уже вплотную переходим к предмету нашего обсуждения. Вообще говоря, история спиритизма в России получила уже освещение в ряде небольших работ. Так, в культурно-антропологическом аспекте спиритизм в России исследовал А. Панченко, роль спиритизма в литературной истории продемонстрирована И. Виницким, Н. Богомоловым, Г. Обатниным⁴ исторический сюжет изложен в работе Н. Голя⁵, а религиозно-философские аспекты проблемы проанализированы в работах В. Кравченко⁶. Тем не менее, собственно научный и эпистемологический аспект ис-

⁴ Виницкий И. Общество мертвых поэтов // НЛО. 2005. № 71; Н.А. Богомолов. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., НЛО. 1999.; Обатнин Г. Иванов-мистик. Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова. М., НЛО. 2000.

⁵ Голь Н. Блюдечко с голубой каемочкой // Нева, 2007. № 8.

⁶ См, напр.: Кравченко В. Владимир Соловьев и София. М., Аграф. 2006.

тории спиритизма в России остался неизученным, хотя именно благодаря полемике в научных кругах спиритизм получил в России широкую известность.

Первоначально спиритизм развивался в России, с одной стороны, как религиозно-мистическое увлечение писателей и поэтов-романтиков (Пушкин, Жуковский, Одоевский, Глинка, Даль, Тютчев), а с другой стороны, как элемент салонной культуры, своего рода игра. Более серьезное отношение наметилось в середине 60-х годов 19 века, когда писатель, критик и переводчик А.Н. Аксаков стал переводить на русский труды европейских медиумистов и заниматься пропагандой медиумизма в России.

Однако решающую роль в привлечении внимания к спиритизму сыграли выдающиеся русские ученые, как мы увидим, позитивисты по своим убеждениям – А. М. Бутлеров (1828–1886, член Императорской академии наук, почетный член университетов Казанского, Киевского и Московского, Медицинской академии, различных ученых обществ в России и за границей, к описываемым годам занимал кафедру химии Петербургского университета, автор теории химического строения, основатель казанской «бутлеровской» школы химии) и Н.П. Вагнер (1829–1907, известный русский зоолог, профессор Петербургского университета, редактор нескольких научных журналов, основатель биологической станции на Соловецком острове). После смерти Бутлерова на его стороне выступили несколько профессоров химии Московского, Харьковского, Казанского университетов⁷.

В 1871 году в доме Бутлерова поселился известный европейский медиум, муж сестры жены Бутлерова, Хоум (Юм), с которым проводил свои эксперименты упомянутый выше химик Крукс. Он дал несколько спиритических сеансов, на которых присутствовали Н.П. Вагнер и А.М. Бутлеров. После этого ученые выступили в печати: Вагнер с двумя письмами о спиритизме редакторам «Вестника Европы» (апрель 1875 г.) и «Санкт-петербургских ведомостей» (ноябрь 1875 г.), а Бутлеров со статьей «Медиумические явления» в «Русском вестнике» (ноябрь 1875 г.). Публичное выступление ученых в поддержку спиритизма на страницах популярных журналов вызвало незамедлительную реакцию со стороны других ученых. По предложению Д.И. Менделеева, сделанному им в мае 1875 г. на заседании Физического общества при Санкт-Петербургском университете, была создана Комиссия для рассмотрения медиумических явлений, которая провела несколько сеансов с медиумами братьями Петти из Ньюкастла (ноябрь–декабрь 1875 г.) и госпожой Клайер (январь 1876 г.), приглашенными на деньги Аксакова. По результатам исследований, проведенных комиссией в присутствии Аксакова, Бутлерова и Вагнера, был написан и опубликован отчет, который доказывал обманый характер медиумических явлений. Эта идея была поддержана Менделеевым и в двух его публичных чтениях в апреле 1876 г. Полемика продолжалась вплоть до 90-х гг. в основном на страницах ме-

⁷ Бутлеров А.М. Статьи по медиумизму. СПб, 1889. С. XL–XLV.

диумического еженедельного журнала «Ребус» и в публичных чтениях и выступлениях.

Теперь приступим к анализу описанной полемики. Меня будет интересовать несколько вопросов: 1) каким образом медиумизм был включен в научный дискурс; 2) как в полемике о спиритизме обе стороны определяли понятия «наука» и «псевдонаука»; 3) какое влияние оказал медиумизм на изменение позитивистской парадигмы в понимании научного познания; 4) почему, несмотря на поддержку двух крупнейших ученых, медиумизм потерпел в этой полемике поражение. Ответив на эти вопросы, я постараюсь показать, что граница между наукой и псевдонаукой относительна, и проблема состоит не в демаркации этих двух типов знания, а в ответе на вопрос, почему одно из них оказывается успешным и эффективным, а другое нет.

Прежде всего, отметим, что медиумизм рассматривался Аксаковым, Бутлеровым и Вагнером не как религиозное движение или совокупность явлений религиозного и мистического толка, а именно как знание, претендующее на научность. Так, Аксаков противопоставляет американский спиритуализм как проявление ментальности жителей Америки, «страны причудливых сект и верований» и английский спиритуализм как проявление ментальности «страны здравого смысла, хладнокровия и консерватизма»⁸. Аксаков отдает однозначное предпочтение английскому спиритуализму как проявлению научного духа коллегиального, критического, опытного исследования, проводимого в рамках официальной науки. Аксаков отделяет спиритизм от шаманизма, колдовства, одержимости духами, оракулов и т.д. С его точки зрения, все эти явления присущи лишь диким народам и должны рассматриваться как формы галлюцинации, психические нарушения и душевные болезни. Именно в таком контексте и относились к медиумизму первые его критики в России, рассматривавшие его с православной точки зрения как одержимость бесами и чертями. Однако, по Аксакову, медиумические явления – это не галлюцинации, а реальные факты, научные факты, и именно их научный статус отличает современный медиумизм от архаического шаманизма.

Бутлеров, в свою очередь, различает три фигуры – медиумист, спиритуалист, спирит⁹. Спиритуалист – это человек, верящий в посмертное существование души и независимость духа от материи. Спирит – это сектант, последователь А. Кардека. Медиумист – ученый, изучающий медиумические явления. Медиумизм, согласно Бутлерову, противоположен мистицизму, как ясное мышление, серьезная критика и свет положительного знания противоположны воображению и темной фантазии. Как мы видим, и Аксаков, и Бутлеров вводят медиумизм в сферу научных явлений, тем самым порождая псевдонауку, но не в оценочном смысле, а в том, что некая изначально религиозная практика претендует на статус научного исследования и эксперимента. В свою очередь, Комиссия физического общества однозначно указала на псевдонаучный характер медиумизма. Основной

⁸ Аксаков А.Н. Спиритизм и наука. СПб., 1871. С. 3.

⁹ Бутлеров А.М. Кое-что о медиумизме. СПб., 1884. С. 7.

вывод Комиссии состоял в том, что медиумические исследования порождены либо произвольными и бессознательными мышечными движениями медиумов, либо сознательным обманом, а также непрофессионализмом предшествующих экспериментаторов, отсутствием в их работе критичности и обычных в науке методов исследования, однако «выдаваемыми за научные истины»¹⁰. Позиции двух сторон показывают, что полемика о медиумизме по сути стала первой в истории науки, во всяком случае русской, полемикой о соотношении науки и псевдонауки. Как же воспринимали эти понятия обе стороны, представленные весьма известными учеными?

Начнем со сторонников медиумизма. А.М. Бутлеров считает, что главный признак науки – способность «ставить факты выше своего, так называемого, здравого смысла»¹¹. Основной вопрос науки – это вопрос о существовании тех или иных явлений, основной метод науки – это констатация и подробное описание, классификация, систематизация фактов. Ответ на вопрос, как происходят эти явления, – это второй, надстроечный этап научного исследования. «Трезвая положительная наука» занимается только фактами, ее девиз – «С фактами не спорят!». Бутлеров пишет: «Строго различая факт и гипотезу, положительная наука старается не оставлять места ничему гипотетическому, без крайней к тому необходимости»¹². Риторика Бутлерова, выстраивающаяся вокруг понятий «факт» и «положительная наука», однозначно позволяет нам назвать его представителем позитивизма.

Если научность Бутлеров отождествляет с фактологическим, эмпирическим знанием, то псевдонаука для него предстает в двух видах. С одной стороны, это мистический и религиозный догматизм, основанный на слепой вере. С его точки зрения, медиумизм основан не на вере и догматах, а на фактах и знании, и в этом смысле он является строгой наукой. Вторая разновидность псевдонауки – научный догматизм, «научные псевдодогматы». Бутлеров полагает, что официальная наука в своем отношении к спиритизму опирается не на факты, а на сложившееся научное мировоззрение. С его точки зрения, в основе официальной науки лежит ряд теорий и гипотез, объединенных принципом «априористического отрицания», лозунг которого гласит: «То, чего не может быть, не бывает». Бутлеров пишет о том, что противники спиритизма – это «жрецы науки», в их лице наука берет на себя религиозные функции, как ранее, во времена инквизиции, религия брала на себя функции науки. В этом смысле для Бутлерова противники спиритизма, не признающие факты и не желающие их как следует исследовать, – представители псевдонауки, религии, обрядившейся в одежды знания. В заключении своего анализа, Бутлеров приводит слова Де-Моргана: «Спиритуалисты без всякого сомнения стоят на том пути, который вел ко всякому прогрессу в физических

¹⁰ Аксаков А.Н. Памятник научного предубеждения. СПб., 1883. С. 24.

¹¹ Бутлеров А.М. Указ. соч., стр. 3.

¹² Там же. С. 6.

науках, их противники являются представителями тех, которые всегда ратовали против прогресса»¹³.

Схожую с Бутлеровым позицию занимает и Аксаков. С его точки зрения, спиритические факты нужно отличать от спиритических гипотез: последние могут меняться, а факты неизменны и постоянны¹⁴. Вместе с Бутлеровым Аксаков утверждает, что априорное игнорирование фактов – вечный спутник науки. Так, в разное время ученые не признавали возможность создания паровоза, парохода, громоотвода, телеграфа, железных дорог, в России насмешкам подвергли геометрию Лобачевского и т.д. Медиумизму как позитивному знанию, основанному на фактах, Аксаков противопоставляет «деспотизм общественного мнения» и «грубую логику невежества»¹⁵. Официальная наука в его глазах – это форма идеологии, т.к. ученые, опираясь на слепое доверие к ним масс и априори игнорируя новые факты, формируют определенную механистическую и материалистическую картину мира, навязываемую обществу. Наука в форме идеологии – это псевдонаука.

Итак, мы видим, что с позиций позитивизма, являющегося основой научного мировоззрения в т.ч. и так называемой официальной науки, Бутлеров и Аксаков демонстрируют псевдонаучный характер институционализованного знания. Позитивистская идеология официальной науки обращена против нее самой, вследствие чего она становится псевдонаукой.

Идеи сторонников медиумизма показывают относительность границы между наукой и псевдонаукой еще и в другом смысле: медиумизм как вид позитивного знания радикально меняет само представление о границах и возможностях положительной науки, тем самым влияя на позитивистскую парадигму научного исследования. Бутлеров пишет, что благодаря медиумизму наука становится способной решать основные метафизические и экзистенциальные вопросы о сущности человека, о его назначении, о смерти и бессмертии и о смысле жизни. «Положительным знанием мыслящее человечество думало отделаться от этих вопросов раз и навсегда, но это знание теперь само приводит его к ним же»¹⁶. С точки зрения Бутлерова, медиумизм позволяет исследовать те вопросы, которыми ранее занималась метафизика и религия, методами позитивной науки. Тем самым позитивизм, ранее игнорировавший эти вопросы, изменяет свою форму, сближаясь с этими видами мировоззрения. Содержательно медиумизм как форма позитивного знания замещает механистическую картину мира другой. В частности, Бутлеров предлагает рассматривать вещество как форму проявления энергии, а энергию и силу как основу материального мира.

Позицию Бутлерова в этом вопросе поддержал и Вагнер, который в своем ноябрьском письме 1875 г. писал: «Для нас уже кончились

¹³ Там же. С. 2.

¹⁴ Аксаков А.Н. Спиритизм и наука. С. V.

¹⁵ Там же. С. I.

¹⁶ Бутлеров А.М. Указ. соч. С. 2.

времена априористических убеждений, метафизика спела лебединую песню, и принципы Бэкона Веруламского возродились в позитивизме, который стоит непоколебимо на почве опытных фактических доказательств. В настоящее время толковать о религиозном чувстве – значит толковать о чисто субъективной потребности, которая не имеет ничего общего с позитивизмом, тогда как сила медиумизма заключается именно в том, что он стоит на почве положительного знания, что к исследованию его явлений могут и должны быть приложены научные методы»¹⁷. Итак, медиумизм – это подлинно научное знание, вписывающееся в позитивистскую парадигму и верное ее принципам, но одновременно изменяющее ее, выводящее в область вопросов, которые ранее считались метафизическими.

Теперь обратимся к противникам медиумизма, а именно к отчету Медиумической комиссии и публичным чтениям Д.И. Менделеева¹⁸. Каким образом отреагировала официальная наука на те наблюдения, эксперименты и полученные в результате оных факты, которые были проведены с медиумами, предоставленными Аксаковым, Бутлеровым и Вагнером? Можно выделить несколько стратегий, с помощью которых официальная наука защищала свои позиции в полемике с медиумистами. 1) Замалчивание и фальсификация фактов. Так, Аксаков в своем критическом разборе отчета Медиумической комиссии отмечает следующие действия комиссии. Во-первых, Комиссия заявила об обманном характере явлений, наблюдаемых на сеансах с братьями Петти. Однако, по Аксакову, никаких явлений не происходило вовсе, поэтому говорить о каком-либо их характере невозможно. Во-вторых, протоколы заседаний комиссии расходились с финальным отчетом. Так, в отчете говорилось о том, что условия всех экспериментов были таковы, что позволяли совершаться обману со стороны медиумов. А в протоколах подробно описаны те меры, которые принимались для предотвращения обмана, и они рассматривались членами комиссии как эффективные. В-четвертых, в финальном отчете не были отражены имевшие место при идеальных условиях наблюдения медиумические явления (движения стола и др.).

2) Игнорирование фактов. Во-первых, комиссия отвергла все свидетельства, приводимые ведущими европейскими учеными в пользу медиумизма, как ложные, т.к. оные ученые проводили эксперименты непрофессионально и они не соответствовали научным стандартам. Б) Менделеев признал, что во время сеансов имели место движения и поднятия стола, которые большинством членов комиссии были признаны невозможными с механической точки зрения, однако Менделеев лишь осмеял таких членов комиссии, не приведя разумных доводов. Во-вторых, согласно свидетельствам, приведенным в журнале «Ребус» (1994 г., № 1 и 2)¹⁹, несколько лет спустя после деятельности

¹⁷ Кравченко В. Указ. соч. С. 203.

¹⁸ См.: Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. СПб., 1876; Аксаков А.Н. Памятник научного предубеждения.

¹⁹ Ребус. СПб., 1994. Т. XIII. С. 3–4 и 15–16.

комиссии Менделеев признал существование необъяснимых медиумических явлений, однако предпочел игнорировать их, аргументируя это так: данные явления очень редки, подобно, например, явлению шаровой молнии, поэтому заниматься ими серьезный ученый не будет, т.к. они ничего не добавляют и ничего не убавляют от сложившейся научной картины мира; помимо этого данные явления необъяснимы, а следовательно, изучать их бессмысленно и, более того, опасно для психики человека.

3) Предыдущие два способа явно расходятся с принципами научной этики, однако вполне укладываются в те способы, которыми пользуется парадигмальная наука для борьбы с учениями, не вписывающимися в научную парадигму. Третий способ, однако, более интересен, поскольку в его основе лежит переосмысление понятия «факт», а значит, переосмысление оснований позитивистской парадигмы. Тем самым, хотя представители официальной науки и отрицали медиумизм как псевдонауку, под влиянием этой псевдонауки изменилось само представление о научности. Менделеев, поясняя мотивы учреждения научной комиссии, показывает, что эти мотивы изначально вполне укладывались в позитивистскую парадигму. Цель комиссии, по Менделееву, была выяснить, какого рода факты называются медиумическими – известные науке, являющиеся вымыслом и галлюцинацией, являющиеся сознательным обманом, либо необъяснимые явления, управляемые известными законами природы. Иными словами, ученые пытались отделить реальные факты от иллюзорных, при этом критерий реальности был вполне позитивистский – изменяемость с помощью приборов и признание научным сообществом²⁰. Собственно, этой процедуре отделения истинного от ложного, реального от иллюзорного и были посвящены протоколы и отчет Медиумической комиссии. Однако, в публичных чтениях о медиумизме Менделеев приводит более веские аргументы в пользу отрицания спиритизма, чем просто обвинения в обмане. Идея Менделеева состоит в том, что медиумических фактов не существует вообще, а потому и исследовать их не имеет смысла. Поясняя эту идею, Менделеев пишет, что факт – это всегда факт плюю толкование²¹. Если мы называем некоторый факт медиумическим, то это означает, что мы уже являемся сторонниками медиумической гипотезы или теории. Факт не существует сам по себе, он всегда связан с той или иной гипотезой и теоретически нагружен. Пока некоторое явление не связано с теорией, оно не может стать научным фактом, оставаясь неопределенным явлением нашего опыта. Менделеев выделяет несколько гипотез в отношении наблюдаемых комиссией явлений²². 1) Органическая гипотеза – звуки, издаваемые предметами в ходе медиумического сеанса без видимого механического воздействия со стороны человека, суть продукты не духовной силы, а произвольных и бессознательных звуковых колебаний, издаваемых суставами, связками и органа-

²⁰ Менделеев Д.И. С. 3–4.

²¹ Там же. С. 108.

²² Там же. С. 323–339.

ми медиумов. 2) Механическая гипотеза – движения предметов без видимого механического воздействия на самом деле вызвана произвольным сокращением мышц медиумов. 3) Магнетическая гипотеза – воздействие на предметы со стороны медиумов без непосредственного прикосновения производится посредством «нервного тока», «нервной невесомой жидкости». 4) Гипотеза обмана. 5) Гипотеза самообмана и галлюцинации. 6) Медиумическая гипотеза о существовании независимой от материи и бессмертной духовной силы, воздействующей на материальные предметы. Менделеев считает, что первые пять гипотез, с одной стороны, вполне достаточны для объяснения имевших место явлений, а с другой – укладываются в существующую научную картину мира, а следовательно, нет необходимости и никаких оснований прибегать к шестой гипотезе.

Итак, мы видим, что медиумизм существенно изменил позитивистскую концепцию научности: из эмпирического знания наука превращается в знание теоретическое. С этой точки зрения, для Менделеева спиритизм является псевдонаукой в самом простом смысле: теория медиумизма является религиозной, а факты – всего лишь прикрытие, имитация и симуляция научности. В отчете Менделеев пишет: «Спириты с особенной настойчивостью распространяют свои мистические воззрения, выдаваемые за научные истины. Эти воззрения принимаются многими на веру, именно потому, что соответствуют стародавним суевериям, с которыми наука давно борется»²³. То есть, если с точки зрения медиумистов, псевдонаука – это официальная наука, обрядившаяся в одежды религии, абсолютного знания, то с точки зрения Менделеева, все наоборот: псевдонаука – это религиозная вера под маской научных якобы фактов. Однако, факты эти ненаучны, т.к. за ними стоит ненаучная теория.

Итак, перед нами 2 группы профессиональных ученых, работающих в рамках одной позитивистской парадигмы, обвиняющие друг друга в псевдонаучности, причем исходя из методологических, а не фактологических соображений, ибо факты при ближайшем рассмотрении, не свидетельствуют ни в чью сторону. При этом сама позитивистская парадигма под влиянием полемики по поводу того, что считать псевдонаукой, изменяется до неузнаваемости. Чью же сторону нам принять?

Попробуем рассмотреть, подходит ли спиритизм под критерии псевдонауки, принятые в современной эпистемологии²⁴. Если следовать демаркационному критерию К. Поппера, согласно которому научным знанием является знание фальсифицируемое, то медиумизм вполне укладывается в рамки науки. Так, и в европейских, и в амери-

²³ Аксаков Н. Памятник научного предубеждения. С. 24.

²⁴ См.: Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фатхи Т.Б. Философия для аспирантов: Учебное пособие. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону, 2003. С. 6–15; Никифоров А.Л. Философия науки: истории методология. Ч. 1. М., 1998. С. 92–108; Моисеев В.И. Философия и методология науки. М., 1998. С. 181–209.

канских, и в русских исследованиях наблюдения и эксперименты как подтверждали, так и опровергали гипотезу о возможности немеханического воздействия человека на материальные объекты. В частности, в нашем случае медиумы Петти не показали никаких результатов, подтверждающих медиумическую гипотезу, а мадам Клайер показала. В западных исследованиях фальсификация гипотезы приводила как к ее отбрасыванию, так и к перестройке, уточнению условий немеханического воздействия и т.д. Вследствие небольшого количества экспериментов, проведенных Медиумической комиссией, ни верификация, ни фальсификация гипотезы не оказали на нее никакого влияния, однако сами медиумисты были открыты возможности опровержения.

Можно предложить и другие критерии, не столько методологические, сколько социологические. Так, псевдонаука обычно апеллирует к широкой публике, а не научному сообществу. Однако, в нашем случае выступления Вагнера, Аксакова и Бутлерова в публичной печати были спровоцированы огульной критикой медиумизма со стороны его противников. В основном, сторонники медиумизма настаивали на том, чтобы прежде, чем кто-либо из сторонников и противников медиумизма выступит в печати, было проведено исследование соответствующей комиссией, протоколы и отчет напечатаны, и лишь затем дозволена публичная дискуссия.

Псевдонаука обычно апеллирует к сенсационным фактам и претендует на решение глобальных вопросов. Факты, приводимые медиумистами, и вправду можно назвать сенсационными, но стилистика их описания не сенсационна, а наоборот крайне сдержана, скептически, детально и критично. Точно также Бутлеров, Аксаков и Вагнер, хотя и писали о том, что новые факты могут пролить некоторый свет на решение глобальных вопросов человеческого бытия, сами воздерживались от подобных решений и спекуляций.

Наконец, псевдонаука пытается проникать во властные структуры, псевдоученые борются за финансирование их проектов из госбюджета и т.д, однако и это в нашем случае не имеет места. Таким образом, и с позиций современной эпистемологии псевдонаучный статус медиумизма по крайней мере сомнителен и относителен.

Поскольку в избранном мною примере проведение четкой демаркационной линии осложняется историчностью и относительностью взаимосвязи науки и псевдонауки, мне представляется, что вопрос о псевдонауке – это не вопрос об ее отличии от научного знания, а вопрос о том, почему т.н. псевдонаучное знание терпит поражение в полемике с наукой. По сути, статус псевдонауки – это лишь результат такого поражения, а не результат какого-то четкого разграничения на основе методологических и эпистемологических критериев.

Ответ на этот вопрос, как мне кажется, можно получить, прибегнув к теории парадигм Т. Куна и методологии научно-исследовательских программ Лакатоса. И суть этого ответа сводится к тому, что медиумизм как форма научного знания находился в 19 веке, да и находится сейчас на допарадигмальной стадии развития, в то время как официальная наука была уже сложившейся нормальной наукой.

В медиумизме мы не можем найти ничего, кроме перечня фактов – в нем нет ни развитой теории, ни четко сформулированных проблем, ни образцов решения этих проблем, ни развитых методов исследования, отличных от классических, ни новых законов, ни новой интерпретации понятия «факт» – т.е. всего того, что составляет парадигму и научно-исследовательскую программу. Если мы взглянем на книги Бутлерова и Аксакова, то увидим, что они представляют собой не более чем список фактов и подтверждающих их наблюдений, экспериментов и свидетельств, а именно: движение тел без соразмерного мышечного усилия и вообще без прикосновения, телепатия и телекинез, левитация, изменение тяжести предметов, писание и рисование без человеческого участия, получение в состоянии транса сообщений, неизвестных ранее медиуму и участникам сеанса, материализация предметов и людей. Более того, Аксаков пишет, что возникновение ложных оккультных теорий в кругах спиритистов – вина, с одной стороны, духовенства, а с другой – официальной науки, которые не хотят заниматься исследованием новых фактов²⁵. Тем самым Аксаков признается в том, что сами медиумисты не способны построить новую теорию в области физики или психологии, исходя из новых фактов, и отдает построение такой теории на откуп тем самым ученым, которые эти факты вообще фактами не признают. Согласно методологии Куна и Лакатоса, новая теория, для того чтобы сменить старую должна: а) объяснять все те факты, которые объясняет старая теория; б) объяснять новые факты, которые не объяснены прежней теорией; в) предсказывать новые факты. Ни один из этих критериев не применим ни к спиритическим теориям А. Кардека и других оккультистов-спиритов, ни к эмпирическим научным исследованиям медиумистов.

Аналогичная ситуация имеет место и в наше время. Так, в Российской газете от 26.06.2003. было опубликовано письмо научным руководителем Института мозга человека Российской академии наук, руководителем Лаборатории нейрофизиологии мышления, творчества и сознания, академиком РАН и РАМН Н.П. Бехтерева, в котором она полемизирует с подходом Комиссии по борьбе с лженаукой и с заявлениями ее председателя. В частности, Бехтерева говорит о многочисленных экспериментах, в ходе которых были подтверждены факты ясновидения. Однако далее, следует уже знакомая риторика: человеческий мозг – загадка, не существует теории, объясняющей работу человеческого мозга как целого. Иными словами, при исследовании явлений, близких медиумическим, современная наука попадает в ту же ловушку – несмотря на огромное количество положительных свидетельств, полученных в научных лабораториях научными методами, отсутствует парадигма объяснения этих явлений, которая может конкурировать с официальной парадигмой, и это приводит к тому, что научные исследования получают статус псевдонауки и более того – лженауки.

²⁵ Аксаков А.Н. Спиритизм и наука. С. VII.